

НАПРЯЖЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сергей Константинович Песцов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Андрей Борисович Волынчук

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

21 июля 2019

Принята к печати:

11 декабря 2019

Об авторах:

Песцов С.К., руководитель Отдела международных отношений и региональной безопасности, Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований, ИИАЭ ДВО РАН

e-mail: skpfox@yandex.ru

Волынчук А.Б., ведущий научный сотрудник Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований, ИИАЭ ДВО РАН

e-mail: i-abv@yandex.ru

Ключевые слова:

напряженность; мировая политика; международная конкуренция; международное сотрудничество; война; конфликт; мир; партнерство; сравнительный анализ

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы теоретической интерпретации концепта напряженности как необходимого предварительного условия его операционализации и превращения в инструмент прикладного компаративного анализа. Рост напряженности в разных регионах и типах правительств, внутри и между странами является отражением глубоких перемен, которые переживает современный мир. Вместе с тем, число попыток серьезного научного его осмысления и концептуализации, а также операционализации и измерения, остается крайне ограниченным. В первой части статьи представлен краткий обзор предшествующих исследований феномена напряженности в контексте мировой политики и международных отношений. Вторая часть посвящена концептуальному анализу феномена напряженности как особого динамического состояния, присутствующего не только в отношениях конкуренции (война), но и в отношениях сотрудничества (мир), и который, таким образом, выступает более распространенной разновидностью состояния межгосударственных взаимодействий.

Понятие «напряженность» относится к числу привычных и достаточно часто встречающихся в международных исследованиях терминов. И, как это обычно бывает в случае с обычными понятиями, напряженность редко привлекала к себе внимание в качестве самостоятельного (отдельного) феномена, чаще выступая в роли вспомогательного (служебного) термина, использующегося для описания специфики международных отношений в различных контекстах. Напря-

женность, таким образом, попала в своего рода «серую» зону между двумя противоположными состояниями – миром (безопасностью) и конфликтом (войной) – этих отношений, которые, как правило, и привлекали основное внимание специалистов в области международных исследований.

В первом случае понятие напряженности оказалось плотно встроенным в словосочетание «разрядка напряженности», характеризующее политику сниже-

ния агрессивности противостояния стран капиталистического и социалистического лагерей в 1950-е – 1970-е годы¹, или, более широко, процесс в системе международных отношений, отличающийся смягчением межгосударственных противоречий. Однако гораздо чаще напряженность привлекала внимание в контексте исследований конфликтов, рассматриваясь в этом случае как один из этапов общей конфликтной динамики или пороговой фазы, разделяющей нестабильность и открытый (вооруженный) конфликт².

При этом нельзя не признать, что оба эти полярные состояния международных отношений являются сравнительно менее распространенными и реже встречающимися в своих чистых проявлениях, в сравнении с напряженностью. Ведь даже отношения мира и сотрудничества не означают полного отсутствия – латентной или спорадически возникающей – напряженности в отношениях между государствами и другими международными акторами. Еще чаще напряженность наблюдается в сравнении с открытыми, вооруженными конфликтами (войнами). Тем не менее, как специфическая разновидность международных отношений в контексте различных их состояний и феномен, обладающий некоторым набором характеристик, собственной внутренней динамикой и закономерностями эволюционных изменений, напряженность во многих

случаев остается лишенной внимания исследователей.

Наряду с этим, интерес и потребность в более внимательном анализе феномена напряженности актуализируются теми тенденциями, которые в настоящее время все больше определяют стояние и динамику системы мировой политики в целом. В своей совокупности, констатируют разные прогностические исследования, они ведут к «повышению напряженности во всех регионах и типах правительств, как внутри, так и между странами»³. Внутри стран напряженность будет расти как результат общественного давления на правительство, требований обеспечения прочного мира и собственного благополучия в условиях, когда как первое, так и второе все больше зависит от происходящего за границами. Это, в свою очередь будет способствовать повышению напряженности в отношениях между странами, увеличивая риски межгосударственных конфликтов. «Чистым эффектом растущей напряженности внутри стран, между странами и растущей угрозы терроризма становится больший глобальный беспорядок и значительные сомнения в правилах, институтах и распределении власти в международной системе»⁴.

Исследования напряженности: краткий обзор

Несмотря на общий недостаток систематизированных исследований напряженности в международных отношениях, ощущающийся до сегодняшнего дня, интерес к научному осмыслению этого феномена в современных условиях проявился довольно рано. В 1941 году увидело свет исследование Ф. Клингберга, в котором напряженность рассматривалась как разделяющая два государства «психологическая дистанция», величина которой может быть изме-

¹ См., например: Рабуш Т.В. Эволюция идеологической составляющей в советско-американском противоборстве в региональных вооруженных конфликтах (1970-1980-е годы) // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. Т. 10. Вып. 1. С. 75-85. [Rabush, T.V. Jevoljucija ideologičeskoj sostavljajushhej v sovetsko-amerikanskom protivoborstve v regional'nyh vooruzhennyh konfliktah (1970-1980-e gody) (The Evolution of the Ideological Component in the Soviet-American Confrontation in Regional Armed Conflicts (1970-1980's)) // Vestnik SPbGU. Politologija. Mezhduнародnye otnoshenija, Vol. 10, No. 1, pp. 75-85.]

² См., например: Сильван Вите. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации / Международного Комитета Красного Креста. Режим доступа: www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf

³ Global Trends. Paradox of Progress / A Publication of the National Intelligence Council, January 2017. Pp. 31-32. Mode of access: <https://www.dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Main-Report.pdf>

⁴ Ibid. См. также: Stowell, Joshua. 12 Predictions for Global Geopolitics for 2019 through 2025 – and Beyond. Mode of access: <https://globalsecurityreview.com/world-will-look-like-2025/>.

рена в рамках шкалы «дружественность – враждебность»⁵.

В 1947 году на второй сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Мехико было принято решение о начале реализации масштабного международного проекта систематического исследования напряженности и ее последствий для международной жизни с участием специалистов, представляющих разные социальные науки. Это решение, вдохновляемое желанием помочь в устранении конфликтов, которые способны провоцировать войны, основывалось на предположении, что такого рода исследования будут способствовать «развитию лучшего международного взаимопонимания и устранению напряженности, вызванной предвзятими, стереотипными идеями о зарубежных странах и их жителях...»⁶.

Несмотря на то, что данный проект, как с самого начала признавали его организаторы и участники, не претендовал на то, чтобы дать научный ответ на все, связанные с рассматриваемой проблемой вопросы, исследовательская активность в его рамках и вне их способствовала углублению понимания феномена напряженности в контексте международных отношений⁷. В частности, исследователи пришли к согласию, что общепринятое восприятие напряженности как негативного и патологического феномена вряд ли можно считать адекватным и ее, скорее, следует рассматривать как «нормальную черту жизни при условии, что она не выходит за рамки некоторой интенсивности». А потому «реальная проблема... заключает-

ся не столько в устранении напряженности, сколько в направлении ее в полезные каналы и превращении в конструктивные социальные результаты, предпринимая соответствующие меры для контроля условий, в которых она возникает и факторов, которые на нее влияют»⁸. В этой связи, констатировали Д. Креч и Р. Кратчфилд, неверным будет «концентрация исключительно на проблемах войны: напряженности, существующей в условиях мира, должно быть уделено, по крайней мере, равное внимание»⁹. Чуть позже серьезная попытка представить как можно более полные результаты различных видов исследований в области социальных наук, применимых к исследованию международной напряженности была предпринята О. Клайнбергом. В ней было описано существующее разнообразие методов, с помощью которых социальные психологи попытались анализировать характер негативных установок, способствующих росту напряженности, и причин их порождающих, а также подходы к измерению интенсивности этих установок¹⁰.

В 1955 году модель измерения межгосударственной напряженности, как динамического состояния, располагающегося в многомерном пространстве между полюсами стабильности и конфликта, была представлена К. Райтом¹¹. Ранее, размышляя о том, можно ли оценить, или измерить напряженность, он отталкивался от применения этого термина в физических науках и его отражений в социологических и психологических исследованиях¹². Свой подход к измерению напряженности, основываясь на «предположении, что в формулировании внешней политики важно понимать вос-

⁵ Klingberg, F.L. Studies in Measurement of the Relations Among Sovereign States // *Psychometrika*, 1941, No. 6, pp. 335-352.

⁶ Introduction. The UNESCO Tensions Project. In: *The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions*. By the International Sociological Association in collaboration with Jessie Bernardt, T.H. Pear, Raymond Aron, Robert C. Angell. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957. P. 9.

⁷ См. например: Cantril, H. *Tensions That Cause Wars*. Urbana: University Illinois Press, 1951; Krech, D.; Crutchfield, R.S. *Theory and Problems of Social Psychology*. New York: McGraw Hill, 1948.

⁸ Ibid. P. 11.

⁹ Krech, D.; Crutchfield, R.S. *Theory and Problems of Social Psychology*. New York: McGraw Hill, 1948. Pp. 443-622.

¹⁰ Klineber, O. *Tensions Affecting International Understanding*. New York: Social Science Research Council, 1950.

¹¹ Wright, Q. *The Peaceful Adjustment of International Relations: Problems and Research Approaches* // *Journal of Social Issues*, 1955, Vol. 11, Iss. 1, pp. 3-12.

¹² Wright, Q. *The Nature of Conflict* // *Western Political Quarterly*, 1951, Vol. 4, No 2, pp. 193-208.

приятия реальности, образы, стереотипы и определения ситуации лицами, принимающими решения, а не существующие в мире объективные условия», позднее был предложен К. Холсти¹³. Наибольшее внимание при обращении к анализу напряженности, как правило, привлекала проблема идентификации основных причин и факторов ее вызывающих¹⁴. К их числу относились такие перцептивные переменные, как восприятия угроз¹⁵, оценки способностей, намерений, отношений и явного поведения¹⁶. В результате всех этих усилий, понятие напряженности постепенно стало приобретать большую определенность и содержательную строгость. В соответствии с классической трактовкой К. Холсти она стала пониматься как «набор установок и тенденций, таких как недоверие и подозрительность, которые общественность и политики испытывают по отношению к другим»¹⁷.

Однако с какого-то момента импульс, ранее приданный исследованиям напряженности в международных отношениях, стал затухать. Все реже концепт напряженности рассматривался как особый феномен, отдельный от кризиса, с которым он оставался тесно связанным и благодаря чему за ним закрепилась преимущественно негативная коннотация. Больше того, даже в этом качестве он так и не приобрел точного смысла, оставаясь на уровне привычного, но весьма неопределенного в содержательном плане понятия. Как правило, и чаще всего, сегод-

ня под напряженностью понимается один из этапов процесса общей конфликтной динамики. Примером в этом случае может служить шаблон конфликтного цикла, предложенный экспертами Сети по предотвращению конфликтов Европейской комиссии (*Conflict Prevention Network of the European Commission*) и включающий четыре основных стадии: стабильный мир, нестабильный мир, высокую напряженность и открытый конфликт¹⁸. Одновременно с этим напряженность используется в качестве характеристики, позволяющей разграничивать разные состояния международных отношений¹⁹ или индикатора, посредством которого разделяются фазы процесса эскалации кризисов²⁰. Все эти многообразные интерпретации, в отсутствии необходимой понятийной четкости, зачастую смешиваются, существенным образом осложняя ситуацию.

В последние годы ситуация вновь начинает меняться. В работах отдельных авторов концепт напряженности все чаще начинает выступать в качестве самостоятельного предмета исследования, рассматриваемого в различных контекстах²¹. Специальное внимание специалистов-международников, помимо причин, вы-

¹⁸ Human Rights and the Conflict Cycle. Ed. by Omar Grech and Monika Wohlfeld. Malta: Mediterranean Academy of Diplomatic Studies. June 2010. P. 18.

¹⁹ «...С точки зрения степени напряженности, — полагает известный отечественный исследователь международных отношений П.А. Цыганков, — можно говорить о различных состояниях международных отношений: это, например, состояния стабильности и нестабильности, доверия и вражды, сотрудничества и конфликта, мира и войны и т.п.». Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. М.: Радикс, 1994. С. 55. [Tsygankov, P.A. *Politicheskaya sotsiologiya mezhdunarodnykh otnoshenii* (Political Sociology of International Relations). Moscow: Radiks, 1994. P. 55.]

²⁰ Learning Package Four Stages of Conflict Development. CRANaplus, October 2011. Pp. 1-3. Mode of access: https://crana.org.au/uploads/pdfs/Other_45.pdf

²¹ См., например: Goldmann, Kjell. Cooperation and Tension Among Great Powers: A Research Note // *Cooperation and Conflict*, 1980, Vol. 15, Iss. 1, pp. 31-45.

¹³ Holsti, K.J.. The Use of Objective Criteria for the Measurement of International Tension Levels // *Background*, 1963, Vol. 7, No. 2, pp. 77-95.

¹⁴ Leifer, M. The Foreign Relations of the New States. Australia. Longman, 1974.

¹⁵ Zinnes, Dina A.; North, Robert C.; Koch, Howard E. Capability, Threat and the Outbreak of War. In: James N. Rosenau (ed.) *International Politics and Foreign Policy*. New York: Free Press, 1961. Pp. 469-482.

¹⁶ Holsti, O.R. The Belief System and National Images: A Case Study // *Journal of Conflict Resolution*, 1962, Vol. 6, pp. 244-252.

¹⁷ Kalevi Jaakko Holsti. *Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648-1989*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 288.

зывающих и/или способствующих росту международной напряженности, начинает привлекать более широкий круг вопросов, в частности связанных с анализом эффектов, последствий и цены (экономической и социальной) напряженности для сотрудничества и безопасности как в целом, так и в конкретных ситуациях отдельных регионов²². Важным в этой связи является то, что исследователи вновь возвращаются к признанию принципиального для понимания феномена напряженности момента: она не является неразрывно связанной с конфликтом и сама по себе не вызывает его. «Хотя напряженность, — как подчеркивается авторами одного из недавних исследований, — часто предшествует конфликту и всегда включена в него, она не является синонимом конфликта и не обязательно не согласуется с сотрудничеством»²³.

²² He Yinghua; Nielsson, Ulf; Wang, Yonglei. The Cost of Political Tension: An Anatomy / Toulouse School of Economic. Working Papers. No. TSE-484. April 2014. Mode of access: https://www.tsefr.eu/sites/default/files/medias/doc/wp/etrie/wp_tse_484.pdf; Davis, Christina L.; Meunier, Sophie. Business as Usual? Economic Responses to Political Tensions // *American Journal of Political Science*, 2011, Vol. 55, No. 3, pp. 628-646; Lin, Faqin; Hu, Cui; Fuchs, Andreas. How Do Firms Respond to Political Tensions? The Heterogeneity of the Dalai Lama Effect on Trade. Mode of access: <https://www.hhs.se/contentassets/bc7089cd2c364b2cae4c287184ad743b/andreas-fuchs-how-do-firms-respond-to-political-tensions.pdf>; Gawarkiewicz, Thomas; Tang, Yao. The Relationship between Political Tensions, Trade, and Capital Flows in ASEAN Plus Three. Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/e9ed/7596d138bc468b3472645b5537b8e855b8a3.pdf>; Du, Yingxin; Ju, Jiandong; Ramirez, Carlos D.; Yao, Xi. Bilateral Trade and Shocks in Political Relations: Evidence from China. Mode of access: <http://www.voxchina.org/show-3-73.html>; Ayumu, Tanaka; Banri, Ito; Ryuhei, Wakasugi. How Do Exporters Respond to Exogenous Shocks: Evidence from Japanese Firm-Level Data. RIETI Discussion Paper Series 17-E-027. March 2017. Mode of access: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/17e027.pdf>

²³ Hafeznia, Mohammad Reza; Ghorbaninejad, Rebaz; Ahmadipour, Zahra; Ghavam, Abdolali. Tension and Conflict Theories between Countries: Review, Critique and Presenting a Theoretical Model // *Geopolitics Quarterly*, 2014, Vol. 9, No 4, pp. 2-3.

Напряженность: концептуализация понятия

Первым шагом в процессе переосмысления и концептуализации понятия «напряженность» в контексте международных отношений является, таким образом, отказ от рассмотрения ее, с одной стороны, как неразрывно связанной с кризисом и/или конфликтом, и, с другой, как отдельного (промежуточного) между сотрудничеством и конфликтом вида взаимоотношений.

Напряженность в контексте международных отношений. Напряженность, скорее, может рассматриваться в качестве особого динамического состояния, присутствующего как в отношениях конкуренции (война), так и в отношениях сотрудничества (мир). А так как и конкуренция, особенно в ее крайних формах, и полностью беспроблемный мир, как показывает практика, являются сравнительно редкими и кратковременными формами взаимодействий, соответственно, напряженность в этом смысле может рассматриваться как «обычное», широко распространенное и чаще встречающееся в реальной действительности состояние взаимоотношений разного рода акторов в системе международных взаимодействий. Безусловно, в конкурентных взаимоотношениях напряженность, как правило, имеет более глубокие корни (причины), отличается большей устойчивостью и вероятностью перерастания в открытые столкновения. Поэтому вполне объяснимым выглядит обращение во всех таких случаях большего внимания на феномен напряженности и неизбежное приобретение им устойчиво негативных коннотаций. Вместе с тем, нельзя не признать, что столь же часто напряженность может возникать и в отношениях с преобладанием сотрудничества, между соседями, партнерами и/или союзниками. Но в этом случае, ей, чаще, придается значительно меньшее значение, как случайности, недоразумению и отступлению от нормы. Однако, с нашей точки зрения, в контексте сотрудничества напряженность также должна рассматриваться как «естественная» характеристика взаимоотношений между акторами (государствами), которая посредством генерирования новых стимулов (вызовов) и

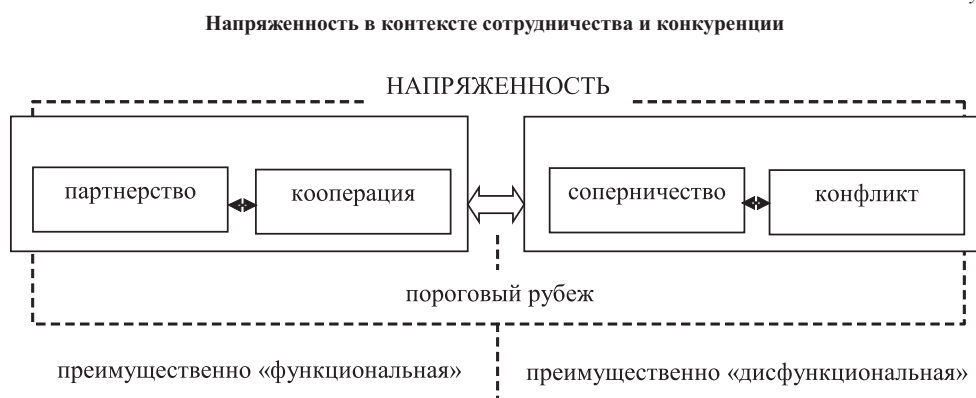

Figure 1. Tension in cooperation and competition contexts

поиску адекватных ответов на них способствует не только развитию отношений между ними, но и поступательной эволюции всей системы международных отношений (см. Рис. 1).

Кроме того, напряженность может также выступать в качестве составного элемента стратегий, связанных с решением как внутренних (мобилизация поддержки, отвлечение внимания, канализация недовольства), так и внешних (привлечение внимания к проблеме, корректировка поведения).

Как было отмечено ранее, пространство двусторонних межгосударственных отношений условно может быть представлено двумя отдельными (базовыми) типами, каковыми являются сотрудничество и конкуренция. Под *сотрудничеством* обычно понимается совместная деятельность сторон в какой-либо сфере для достижения общих целей посредством выработки согласия, объединения ресурсов, обмена знаниями, обучения и т.п. Второй тип взаимоотношений и взаимодействий сторон – *конкуренция* – представляет собой преобладающие отношения противоборства в целях обеспечения преимуществ для реализации односторонних интересов, удовлетворения имеющихся или будущих потребностей. Сотрудничество и конкуренция как два разных типа отношений, в свою очередь, могут быть дифференцированы в соответствии с такими измерениями, как *продолжительность* и *интенсивность*. Две основные формы сотрудничества в этом

случае могут быть определены как кооперация и партнерство. Кооперация представляет собой объединение усилий и совместную деятельность сторон в отдельных сферах взаимных интересов с разделением ролей и функций для достижения конкретных (ограниченных временем и/или масштабом) целей. Продолжительные кооперационные взаимодействия с увеличением степени их интенсивности способны трансформировать двусторонние отношения в партнерство. Под *партнерством*, таким образом, в данном контексте понимается устойчивое и широкое объединение усилий, опирающееся на систему институтов и механизмов согласования интересов, ориентированное на достижение долгосрочных целей.

На противоположной стороне устойчивая (продолжительная) и интенсивная конкуренция – давние конкурентные отношения – разделяет конфликт и соперничество. *Конфликт* в этом случае представляет форму межгосударственной конкуренции, характеризующуюся отсутствием согласия, столкновением целей, интересов или позиций, которые не могут быть удовлетворены одновременно. Однако противоречия здесь, как правило, касаются отдельных сфер или вопросов и в редких случаях угрожают полным разрушением существующих отношений²⁴.

²⁴ Данное определение отличается от достаточно широко распространенного понимания конфликта как наиболее острого способа разрешения противоречий, связанного

Другой формой конкурентных отношений выступает *соперничество*, которое иногда определяется как «процесс категоризации восприятий, в котором участники определяют, какие государства являются достаточно определенными конкурентами, чтобы квалифицировать их как врагов»²⁵. Полноценное «устойчивое соперничество» предполагает, что (1) две стороны вовлечены в конкурентные отношения друг с другом по одному или нескольким вопросам, которые воспринимаются ими как важные, (2) каждая из сторон считает, что другая имеет враждебные намерения и создает для нее серьезную угрозу и (3) конкурентные отношения сохраняются в течении длительного периода времени и, как ожидается, останутся таковыми в обозримом будущем²⁶.

Межгосударственные отношения редко долгое время остаются в состоянии покоя или статики. В процессе смены их состояний может преобладать позитивный тренд – от конкуренции к сотрудничеству или, в рамках каждого из этих типов, от кооперации к партнерству и от соперничества к конфликту. Столь же возможной является и негативная эволюция – от сотрудничества к конкуренции, от партнерства к кооперации и от конфликта к соперничеству. Хотя, следует признать, что какая-либо жесткая предопределенность отсутствует в любом случае. И, в частности, даже скатывание отношений в состояние соперничества или его сохранения не являются необратимыми. «Если два противника могут решить некоторые из их спорных вопросов мирным путем или если хотя бы один из них не хочет рисковать во-

енизированным конфликтом, то любое негативное восприятие или конкуренция между ними могут уменьшаться, приближая их к мирным отношениям и, тем самым, отдаляя их от непреодолимого соперничества»²⁷. Напряженность в этом случае выступает в роли важнейшего стимула или драйвера эволюционной динамики, способствуя как укреплению взаимных отношений (*функциональная*), так и их возможной деградации (*дисфункциональная*)²⁸. Отличительной особенностью последней, по мнению М. Каплана, является то, что она «...ведет к неверным ориентациям в реальности, предотвращает или препятствует достижению желательных целей или же позволяет добиться их с необычайно высокими затратами». Дисфункциональная напряженность, в общем, считает он, является нежелательной (ведет к нежелательным последствиям), хотя иногда может представлять собой «подходящий инструмент политики»²⁹.

В рамках этой общей схемы динамики межгосударственных взаимодействий могут быть определены несколько принципиально важных пороговых рубежей. Первая рубежная точка разделяет два противоположных – сотрудничество и конкуренцию – типа отношений. Она может быть помещена в середину более широкой промежуточной зоны, определяемой как область формальных отношений, отношений не отличающихся особой теплотой и заинтересованностью, но и не сталкивающихся с острыми противоречиями и взаимной настороженностью (см. Рис. 2).

с противодействием участников, выходящим за рамки правил и норм (См. например: Анцулов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000. С. 81. [Antsulov, A.Ia.; Shipilov, A.I.; Konfliktologija (Conflictology). Moscow: IuNITI, 1999. P. 81]). Взаимодействие сторон в такой форме нами определяется как кризис.

²⁵ William, R. Thompson. Identifying Rivals and Rivalries in World Politics // *International Studies Quarterly*, 2001, Vol. 45, Iss. 4, pp. 557-586.

²⁶ Hensel, Paul R. An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry // *Forthcoming in Conflict Management and Peace Science*, 1999, Vol. 17, No. 2.

²⁷ Ibid.

²⁸ Выделение двух отличающихся типов напряженности основывается на высказанной в свое время гипотезе М. Каплана о том, что, поскольку в действительности напряженность является неизбежной там, где «имеет место жизнь или социальный прогресс», она может быть как функциональной, так и дисфункциональной. См.: Kaplan, Morton A.. The International Arena as a Source of Disfunctional Tension // *World Politics*, 1954, Vol. 6, No. 4, P. 501.

²⁹ Ibid.

Типы взаимоотношений и (пороговые) рубежи в их динамике

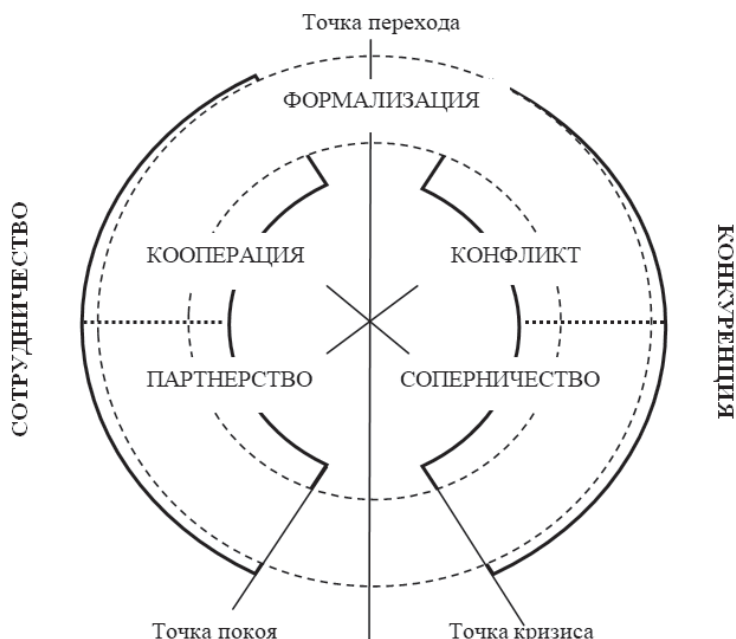

Figure 2. Types of relationships and (threshold) boundaries in their dynamics

Взаимоотношения в этом случае будет отличать относительной высокий уровень напряженности, ниже, чем в ситуации кризиса, хотя и выше в сравнении с ситуацией кооперации. Межгосударственные отношения попадают в эту зону как в случае позитивной динамики (прогресса в конструктивном разрешении отдельных кризисов, разделявших стороны), так и, наоборот, в случае ухудшения взаимопонимания и обострения противоречий в процессе кооперационных взаимодействий. Теоретически переход данного рубежа в ту или другую сторону ведет к трансформации преобладающего между сторонами типа взаимоотношений. На противоположном конце каждого из определенных типов взаимодействий располагаются рубежные точки – «точка кризиса» и «точка покоя», – пересечение которых приводит почти к одинаковому результату – распаду отношений. Однако пути, ведущие к этому, существенным образом отличаются. Негативная динамика и нарастание напряженности в ее дисфункциональной форме способны подвести стороны к кризису, открытому столкновению

(война) и последующему периоду полного прекращения контактов. С другой стороны, к подобному результату может вести и совершенное отсутствие напряженности, свидетельствующее о взаимном падении интереса (потребности, возможности) не только к развитию, но и дальнейшему поддержанию отношений. Последнее можно рассматривать как сравнительно редкий, но теоретически вполне возможный вариант эволюционной динамики межгосударственных взаимоотношений

Напряженность: внутренняя структура. Напряженность обычно возникает как результат рассогласования между потребностями, интересами и ожиданиями сторон и степенью их удовлетворения. Она выступает следствием сначала ощущения, а затем и понимания одной стороной того, что удовлетворения ее потребностей, интересов и ожиданий находится под угрозой, исходящей от другой стороны. Соответственно, напряженность в межгосударственных отношениях понимается как *определенное отношение сторон, характеризующееся беспокойством, неуверенностью, страхом,*

недоверием и выражающееся в эмоциях, суждениях и поведении. Уровень напряженности отражает текущую «температуру» взаимоотношений между акторами (государствами), которых могут объединять как состояние сотрудничества, так и состояние соперничества. Напряженность представляет собой динамическую характеристику, изменяющуюся либо *эволюционно* (последовательно), проходя – от меньших к более высоким – разные стадии эволюции, или же возникает *внезапно* и неожиданно, проявляясь сразу в относительно острых формах. Однако «внезапно» в этом случае чаще означает просто то, что предшествующие (более низкие) стадии вызревания напряженности оказались по тем или иным причинам незамеченными, не привлекали до определенного момента внимания в силу растянутости во времени, не очень высокой значимости отношений между акторами или иных обстоятельств. Другими словами, под любым «внезапным» обострением напряженности, как правило, может быть обнаружен период латентного нарастания соответствующих настроений и взаимных интерпретаций, которые под воздействием того или иного триггера в определенный момент проявляют себя в открытых формах.

Двумя основными формами проявления напряженности выступают *риторическая* (слова) и *фактическая* (дела). Первая, как правило, предшествует второй и определяет динамику напряженности на ее начальных этапах. Эволюционное вызревание (нарастание) напряженности в отношении между акторами опирается на определенного рода общественные восприятия другого, предубеждения и стереотипы, уходящие своими корнями в историческое прошлое взаимоотношений и питаемые культурными, этническими и религиозными различиями. Восприятия «других» как слабых, отсталых, менее развитых, зависимых или же, наоборот, превосходящих, высокомерных и эксплуатирующих могут долгое время дремать в общественном сознании, пока однажды не окажутся востребованными или разбуженными внутренними потребностями, либо внешними событиями. Операционно рост напряженности в риторической

форме можно рассматривать как перевод неудовлетворенности и страхов из эмоционального в рациональное обличие, движение от интуитивно ощущаемого недовольства к пониманию его причин и источника, каковым становится какой-то «другой».

Нарастание враждебной риторики внутри одного общества, связывающего усиливающееся недовольство с конкретным источником в виде другого общества (государства), даже если некоторое время может оставаться без внимания, на каком-то этапе с неизбежностью приводит к появлению ответной реакции. Напряженность, таким образом, из односторонней неудовлетворенности трансформируется в разновидность двусторонних и нередко, благодаря плотной и сложной системе взаимосвязей современного мира, групповых отношений («охлаждение»). С этого момента риторика, кроме выполнения определенных внутренних функций – рационализации недовольства, идентификации оппонента и мобилизации – все больше начинает использоваться в качестве инструмента достижения цели. В этом случае она выступает в качестве важного средства донесения собственных претензий до оппонента с целью его предостережения и указания на желательность перемен в стратегии поведения. Одновременно с этим, риторика используется и как средство воздействия на международное общественное мнение, как для расширения круга собственной поддержки, так и для предотвращения (дезорганизации) формирования сколь угодно прочных альянсов вокруг позиции оппонента. Наконец, еще одним возможным адресатом риторики в этом случае могут выступать крупные международные игроки («великие державы» и авторитетные международные организации), способные принимать на себя роли если не союзников или посредников, то, как минимум, остаться нейтральными.

В контексте преобладающих отношений сотрудничества конфликты, возникающие между акторами, чаще не выходят за рамки напряженности в ее риторической форме, несмотря на всю ту остроту полемики, которая может иметь место в конкретных ситуациях. Соответственно, напряжен-

ность в этом случае, являющаяся одним из способов разрешения противоречий, может быть определена как функциональная, если она способствует развитию двусторонних связей и укреплению отношений. Контекст доминирующих отношений соперничества существенным образом увеличивает возможность (и вероятность) перерастания напряженности из риторической в фактическую. Отличительной особенностью последней является переход от слов к практическим шагам, предполагающим повышение уровня угрозы для оппонента (открытые приготовления к конфликту) или нанесение ему реального ущерба (санкции, денонсирование договоренностей, разрыв отношений). Риторика здесь начинает играть вспомогательную роль, как инструмент пропагандистской поддержки практических действий, способствуя, тем не менее, ускорению роста напряженности. На этом этапе все еще сохраняется, хотя и уменьшающаяся с течением времени, возможность ее деэскалации. Тем не менее, напряженность здесь все в большей степени превращается в дисфункциональную, благодаря преобладающему сосредоточению сторон на том, что их разделяет (и отличает), а не остающихся, хотя бы минимальных, возможностях компромисса.

В случае международной напряженности, вне зависимости от того, на каком уровне она наблюдается или рассматривается (двусторонний, региональный, глобальный), в качестве основных действующих лиц выступают не отдельные индивиды, а сложные структуры или организованные сообщества, каковыми являются, прежде всего, государства. Это, с одной стороны, указывает на то, что закономерности и механизмы, свойственные индивидуальной напряженности, не могут быть прямо перенесены на сферу международной напряженности. С другой, это обстоятельство требует отдельного рассмотрения при исследовании последней роли двух, олицетворяющих государство, элементов. Таковыми являются общественность (граждане) и официальные представители (лидеры, политики, институты). Очевидно, что вовлеченными в процесс роста или ослабления напряженности во

взаимоотношениях с обществами и политиками другого государства обычно оказываются оба эти элемента.

Дискуссионным остается вопрос о том, отражают действия политиков напряженность, возникающую или формирующуюся в их обществах, или же, наоборот, напряженность в обществе является следствием политических решений³⁰. Политические лидеры, полагают некоторые, не могут не реагировать на напряженности, возникающие в обществе. Другие же, указывая на традиционно слабую информированность обычных людей о внешнем мире и их растущую дистанцированность от процесса принятия политических решений, убеждены, что общественность, скорее, должна рассматриваться в качестве пассивной и ведомой. Перемены во взаимоотношениях государств, как отмечал в свое время Д. Бернард, «мало связаны с национальными стереотипами или предрассудками, враждебностью или установками любого рода. Национальные стереотипы следуют, а не предшествуют переменам»³¹. Вместе с тем, предположение о минимальном причинном эффекте общественных настроений для международных отношений, вовсе не отрицает их значения полностью. Они, как отмечалось в другом исследовании, «...могут существовать до тех пор, пока объективные события не обнаружат в них нужду» и не актуализируют их функцию обоснования, с тем, чтобы «люди могли убивать, обманывать и предпринимать другие действия, не санкционированные обычным моральным кодексом»³².

Другими словами, не отрицая активной роли политических лидеров и официальных представителей государства в процессах возникновения, эскалации или, наоборот, разрядки напряженности в сфере междуна-

³⁰ Jessie, Bernard. Chapter 1. The Sociological Study of Conflict. In: *The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions*. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957. P. 53.

³¹ Ibid. P. 54.

³² Buchanan, W. Stereotypes and Tensions as Revealed by UNESCO International Poll // *International Sociological Science Bulletin*, 1951, Vol. 3, No. 3, p. 528.

родных отношений, следует признать, что общественные фобии и неудовлетворенность могут рассматриваться в качестве первоначальных индикаторов, указывающих на потенциальную возможность возникновения напряженности. Соответствующие общественные настроения, таким образом, редко становятся причиной этого, но являются теми отдельным ростками на поле, которое обещает, при определенном стечении обстоятельств, обильные и дружные всходы неприязни и напряженности. Собственно напряженность начинает ощущаться, когда эти настроения культивируются и трансформируются в политические решения и действия. В этот момент на первый план выходит государство в лице его официальных представителей. Действия последних, сознательно направленные на эскалацию напряженности, до какого-то момента могут опираться на полученный от общественности мандат, однако одновременно ими все больше будут предпринимать усилия с целью развития и укрепления соответствующих общественных настроений в качестве основы нарастающей конфронтации. Таким образом, сначала общественность «позволяет» лидерам обострять отношения, предоставляя им определенную свободу маневра. Затем, раскручивающаяся спираль напряженности достигает некоторого критического порога, когда у политиков возникает потребность в более широкой мобилизации общества как необходимого условия перевода напряженности в открытый конфликт.

Суммируя сказанное выше, можно констатировать, что напряженность напрямую не связана с кризисом, не является его частью или непосредственной причиной. Она, скорее, представляет собой динамическую характеристику (специфическое состояние), определяющую состояние как взаимодействий сотрудничества, так отношений соперничества. Негативные эффекты напряженности обуславливаются ее неконтролируемой эскалацией и превышением некоторых пороговых уровней. Все это с неизбежностью актуализирует в контексте исследований напряженности в международных отношениях И, что принципиально важно, задачу ее измерения и оценки. Эта

задача с самого начала выступала одним из главных направлений при анализе напряженности. Теоретически, как отмечалось многими авторами, она может быть решена с помощью разных подходов и методов. Однако число примеров их практического применения для измерения и оценки международной напряженности остается удручающе ограниченным. Проблема теоретической интерпретации концепта напряженности, которой уделено основное внимание в данной работе, рассматривается авторами как первый и необходимый шаг в деле его операционализации и превращении в действительно работающий инструмент прикладного компаративного анализа.

Литература:

- Анулов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000.
- Рабуш Т.В. Эволюция идеологической составляющей в советско-американском противоборстве в региональных вооруженных конфликтах (1970-1980-е годы) // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. Т. 10. Вып. 1. С. 75-85.
- Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. М.: Радикс, 1994.
- Buchanan, W. Stereotypes and Tensions as Revealed by UNESCO International Poll // *International Sociological Science Bulletin*, 1951, Vol. 3, No. 3.
- Cantril, H. Tensions That Cause Wars. Urbana: University Illinois Press, 1951;
- Krech, D.; Crutchfield, R.S. Theory and Problems of Social Psychology. New York: McGraw Hill, 1948.
- Davis, Christina L.; Meunier, Sophie. Business as Usual? Economic Responses to Political Tensions // *American Journal of Political Science*, 2011, Vol. 55, No. 3, pp. 628-646.
- Goldmann, Kjell. Cooperation and Tension Among Great Powers: A Research Note // *Cooperation and Conflict*, 1980, Vol. 15, Iss. 1, pp. 31-45.
- Hafeznia, Mohammad Reza; Ghorbaninejad, Rebaz; Ahmadipour, Zahra; Ghavam, Abdolali. Tension and Conflict Theories between Countries: Review, Critique and Presenting a Theoretical Model // *Geopolitics Quarterly*, 2014, Vol. 9, No. 4.
- Hensel, Paul R. An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry // *Forthcoming in Conflict Management and Peace Science*, 1999, Vol. 17, No. 2.
- Holsti, K.J. The Use of Objective Criteria for the Measurement of International Tension Levels // *Background*, 1963, Vol. 7, No. 2, pp. 77-95.
- Holsti, O.R. The Belief System and National Images: A Case Study // *Journal of Conflict Resolution*, 1962, Vol. 6, pp. 244-252.
- Introduction. The UNESCO Tensions Project. In: The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions. By the International Sociological Association in collaboration with Jessie Bernardt, T.H. Pear, Raymond Aron, Robert C. Angell.

Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

Jessie, Bernard. Chapter 1. The Sociological Study of Conflict. In: The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

Kalevi Jaakko Holsti. Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648-1989. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Kaplan, Morton A. The International Arena as a Source of Disfunctional Tension // *World Politics*, 1954, Vol. 6, No. 4.

Klineber, O. Tensions Affecting International Understanding. New York: Social Science Research Council, 1950.

Klingberg, F.L. Studies in Measurement of the Relations Among Sovereign States // *Psychometrica*, 1941, No. 6, pp. 335-352.

Krech, D.; Crutchfield, R.S. Theory and Problems of Social Psychology. New York: McGraw Hill, 1948. Pp. 443-622.

Leifer, M. The Foreign Relations of the New States. Australia. Longman, 1974.

Pear, T.H. The Psychological Study of Tensions and Conflict. In: The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

William, R. Thompson. Identifying Rivals and Rivalries in World Politics // *International Studies Quarterly*, 2001, Vol. 45, Iss. 4, pp. 557-586.

Wright, Q. The Nature of Conflict // *Western Political Quarterly*, 1951, Vol. 4, No. 2, pp. 193-208.

Wright, Q. The Peaceful Adjustment of International Relations: Problems and Research Approaches // *Journal of Social Issues*, 1955, Vol. 11, Iss. 1, pp. 3-12.

Zinnes, Dina A.; North, Robert C.; Koch, Howard E. Capability, Threat and the Outbreak of War. In: James N. Rosenau (ed.) *International Politics and Foreign Policy*. New York: Free Press, 1961. Pp. 469-482.

References:

Antsulov, A.Ia.; Shipilov, A.I. Конфликтология (Conflictology). Moscow: IuNITI, 1999.

Buchanan, W. Stereotypes and Tensions as Revealed by UNESCO International Poll // *International Sociological Science Bulletin*, 1951, Vol. 3, No. 3.

Cantril, H. Tensions That Cause Wars. Urbana: University Illinois Press, 1951;

Krech, D.; Crutchfield, R.S. Theory and Problems of Social Psychology. New York: McGraw Hill, 1948.

Davis, Christina L.; Meunier, Sophie. Business as Usual? Economic Responses to Political Tensions // *American Journal of Political Science*, 2011, Vol. 55, No. 3, pp. 628-646.

Goldmann, Kjell. Cooperation and Tension Among Great Powers: A Research Note // *Cooperation and Conflict*, 1980, Vol. 15, Iss. 1, pp. 31-45.

Hafeznia, Mohammad Reza; Ghorbaninejad, Rebaz; Ahmadipour, Zahra; Ghavam, Abdolali. Tension and Conflict Theories between Countries: Review, Critique and Presenting a Theoretical Model // *Geopolitics Quarterly*, 2014, Vol. 9, No. 4.

Hensel, Paul R. An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry // *Forthcoming in Conflict Management and Peace Science*, 1999, Vol. 17, No. 2.

Holsti, K.J. The Use of Objective Criteria for the Measurement of International Tension Levels // *Background*, 1963, Vol. 7, No. 2, pp. 77-95.

Holsti, O.R. The Belief System and National Images: A Case Study // *Journal of Conflict Resolution*, 1962, Vol. 6, pp. 244-252.

Introduction. The UNESCO Tensions Project. In: The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions. By the International Sociological Association in collaboration with Jessie Bernardt, T.H. Pear, Raymond Aron, Robert C. Angell. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

Jessie, Bernard. Chapter 1. The Sociological Study of Conflict. In: The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

Kalevi Jaakko Holsti. Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648-1989. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Kaplan, Morton A. The International Arena as a Source of Disfunctional Tension // *World Politics*, 1954, Vol. 6, No. 4.

Klineber, O. Tensions Affecting International Understanding. New York: Social Science Research Council, 1950.

Klingberg, F.L. Studies in Measurement of the Relations Among Sovereign States // *Psychometrica*, 1941, No. 6, pp. 335-352.

Krech, D.; Crutchfield, R.S. Theory and Problems of Social Psychology. New York: McGraw Hill, 1948. Pp. 443-622.

Leifer, M. The Foreign Relations of the New States. Australia. Longman, 1974.

Pear, T.H. The Psychological Study of Tensions and Conflict. In: The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

Rabush, T.V. Evolyucija ideologicheskoy sostavljajushhej v sovetsko-amerikanskom protivoborstve v regional'nyh vooruzhennykh konfliktah (1970-1980-e gody) (The Evolution of the Ideological Component in the Soviet-American Confrontation in Regional Armed Conflicts (1970-1980's)) // *Vestnik SPbGU. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija*, Vol. 10, No. 1, pp. 75-85.

Tsygankov, P.A. Politicheskaja sotsiologija mezhdunarodnykh otnoshenij (Political Sociology of International Relations). Moscow: Radiks, 1994.

William, R. Thompson. Identifying Rivals and Rivalries in World Politics // *International Studies Quarterly*, 2001, Vol. 45, Iss. 4, pp. 557-586.

Wright, Q. The Nature of Conflict // *Western Political Quarterly*, 1951, Vol. 4, No. 2, pp. 193-208.

Wright, Q. The Peaceful Adjustment of International Relations: Problems and Research Approaches // *Journal of Social Issues*, 1955, Vol. 11, Iss. 1, pp. 3-12.

Zinnes, Dina A.; North, Robert C.; Koch, Howard E. Capability, Threat and the Outbreak of War. In: James N. Rosenau (ed.) *International Politics and Foreign Policy*. New York: Free Press, 1961. Pp. 469-482.

TENSIONS IN INTERNATIONAL RELATIONS: CONCEPTUAL BASIS FOR COMPARATIVE RESEARCH

Sergey K. Pestsov

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

Andrey B. Volynchuk

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

Article history:

Received:

21.07.2019

Accepted:

11.12.2019

About the authors:

Sergey K. Pestsov, Head of the Department of International Relations and Regional Security, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences

e-mail: skpfox@yandex.ru

Andrey B. Volynchuk, Senior Researcher, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences

e-mail: i-abv@yandex.ru

Key words:

tension; world politics; international competition;
international cooperation; war; conflict; peace;
partnership; comparative analysis

Abstract: The article is devoted to the theoretical interpretation of the concept of “tension” as a necessary prerequisite for its operationalization and transformation into a tool for applied comparative analysis. The increase of tensions in different regions and types of government, within and between countries is a reflection of the profound changes that the modern world is undergoing. At the same time, the number of attempts at serious scientific understanding and conceptualization, as well as operationalization and measurement, remains extremely limited. The first part of the article presents a brief review of previous studies on the phenomenon of “tension” in the context of world politics and international relations. The second part is devoted to a conceptual analysis of the phenomenon of “tension” as a special dynamic state that is present not only in competition (war) relations, but also in cooperation (peace) relations, and which, therefore, is a more common type of interstate interactions.

Для цитирования: Песцов С.К., Волинчук А.Б. Напряженность в международных отношениях: концептуальная основа для сравнительных исследований // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 12-24.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10033

For citation: Pestsov, Sergey K.; Volynchuk, Andrey B. Napryazhennost' v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: kontseptual'naya osnova dlya sravnitel'nykh issledovaniy (Tensions in International Relations: Conceptual Basis for Comparative Research) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 12-24.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10033